

Анна Одувалова

**НИЗВЕРГАЮЩИЙ В БЕЗДНУ
ОЖЕРЕЛЬЕ ЛАРАНЫ
ВЫБОР КСАРИ
ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ АВАНТЮРИСТКА**

Цикл
«НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ ПРОКЛЯТИЯ»

**АКАДЕМИЯ ДЛЯ СТРОПТИВОЙ
ЛИЧНАЯ ПОМОЩНИЦА РЕКТОРА**

Анна Одувалова

Личная
помощница
ректора

Роман

Москва, 2016
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
О-40

Художник
С. Бабкина

Одувалова А. С.

О-40 Личная помощница ректора: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 281 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2257-9

Что делать, если невезение следует по пятам? Как быть, если карьера не сложилась, а личная жизнь не задалась? Конечно же отправиться в магическую академию. Навести там порядок, приструнить шушеля, подружиться с личем, постараться не влюбиться в своего начальника и, самое главное, не вылететь с работы... А то мама уже наглаживает свадебное платье, а папа отбирает женихов, и это страшнее, чем ректор-тиран!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Одувалова А. С., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2257-9

Глава 1

НАЧАЛЬНИКИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Ну почему я такая невезучая! Карета подскочила на очередном ухабе, и я снова припечаталась нежной филейной частью о жесткую деревянную лавочку. Выругалась и придержала цветочный горшок, боясь, как бы из него не выскочил Васус — наследство любимой бабушки и память о ней. Цветок ядовитый и с колючками, красный, с обманчиво приятным запахом и удивительно красивый. Я его возила с собой везде вот уже три года.

— Высший управленческий университет с отличием! — бухтела я себе под нос. — Рекомендации, билет в будущее... И все пошло прахом! И ведь даже винить, кроме себя, некого!

Я тряслась в карете, ругая себя, весь белый свет и несправедливое мироздание. Началось все тогда, когда меня, выпускницу Высшего управленческого университета, пригласили на должность пресс-секретаря к его светлости герцогу Влисскому. О такой удаче никто из выпускников даже мечтать не мог, я была горда невероятно и даже не предполагала, что счастье не будет долгим.

До сих пор считаю, что чашка кофе, пролитая на нежный зад его возлюбленной, не моя оплошность. Просто не ожидала я — юная и не искушенная делами любовными барышня, узреть герцога, запросившего кофе, в столь пикантной позе. А уж просьба подать поднос с напитком

прямо на спину томно закатывающей глаза блондинке и вовсе виделась мне чем-то из ряда вон выходящим. Вот и дрогнула рука. А с кем не бывает?

Потом был барон Митерр — мужчина серьезный, увлеченный работой. Там я сама виновата — открыла ежедневник не на той страничке, записала встречу на день позже, сорвала важные переговоры и сделку. Страна потеряла миллиардный контракт, а я — работу.

Баронесса Тиррил сразу предупредила, что в личной помощнице ценит утонченность, стиль и пунктуальность. Надо ли говорить, что, торопясь на первую рабочую встречу, я упала в грязь, порвала платье и переодевалась в ближайшем магазине готовой одежды? В результате опоздала, и вид мой был далек от совершенства.

В агентстве по найму на меня уже смотрели не то с удивлением, не то с подозрением, но периодически подкидывали работу. Каждый раз вариантов становилось все меньше, но даже там задержаться не получилось. Пару раз я уходила сама по разным причинам, ну или творила глупости, влипала в неприятности. И закончилось все тем, что в последний мой приход из всех вариантов остался один, на мой взгляд, не очень и плохой. Единственное, что печалило, — нужно было переехать из столицы за город и стать личной помощницей ректора академии магии.

Это уже потом, когда я подписала контракт, мне сказали, что, во-первых, ректор — мужчина специфический и характер у него сложный. Дольше всего проработала моя предшественница — полгода и была уволена за неподобающее поведение. Говорят, хотела соблазнить. А во-вторых... если меня выгонят и оттуда, я могу идти работать куда захочу — мыть полы, выгуливать собак, а диплом прибить на стенку над кроватью и рыдать над ним перед сном, так как время на учебу было потрачено

зря. И мои теоретические знания на практике мне помочь неспособны.

За поворотом показался каменный забор и возвышающиеся вдаль башенки академии. Флаг этого достойного заведения я разглядеть не смогла, издали он смотрелся странно, и расцветка у него была необычная — белая, в розовые точки.

Пока я размышляла, Васус почти выбрался из горшка. Он расправил стебель и тянулся алыми лепестками к занавеске, намереваясь сожрать.

— Фу! — цыкнула я, тихонько шлепнула ладонью по плоске, и цветочек послушно занял свое место, приняв приличествующий растению вид. Только лепестки сложились таким образом, что лично мне виделся какой-то неприличный жест. Но я не стала заострять на этом внимание. Пусть тешится.

Я расплатилась с возничим, вытащила свой необъятный чемодан на вымощенный плиткой внутренний двор, смахнула со лба бисеринки пота и, стараясь принять полагающееся личной помощнице выражение лица, направилась к главному входу. Васус под мышкой немного смазывал впечатление, но класть его к вещам было чревато. Вообще цветочек у меня мирный, но, когда скучал или злился, жрал все, что не прибито. Раньше он таким не был, просто после смерти бабушки характер испортился.

Во дворе было тихо, что и неудивительно — середина лета, пора отпусков и каникул. У меня впереди — полтора месяца, чтобы вникнуть в дела, разобраться в обстановке и только потом столкнуться нос к носу с толпой диких студентов. В том, что студенты дикие, я даже не сомневалась. Сама не так давно закончила учиться. Управленцы в большинстве своем хитрые, подлые, но благовоспитанные, а вот про студентов-магов всегда ходили самые разные слухи.

По дороге я не встретила никого, лишь за спиной пару раз мелькнули тени. Они, видимо, приглядывались ко мне. Какие-нибудь магические охранники. Васусу они не понравились, и он клацнул зубами, едва не выпрыгнув из горшка. Пришлось остановиться и нежно почесать лепесточки. Цветочек завибрировал и тихонько заурчал — радовался.

Я толкнула дверь и сразу же попала в ад. Кто-то орал, громко и так витиевато, что я оторопела. Жутко воняло краской, создавалось впечатление, что в холле произошел какой-то неудачный магический эксперимент — лестница без перил, на полу — осколки плитки, серые стены в разводах, и все покрыто мелкой белой пылью от шпаклевки. До меня не сразу дошло, что это всего лишь ремонт.

— Эй, ты! Белобрысое недоразумение! — крикнули откуда-то со стороны.

И я, прижав к груди цветочный горшок с Васусом, замерла, словно испуганная мышь. Медленно повернулась и встретила с пылающим взглядом демонических глаз.

— Онемела? Прием заявлений — со следующей недели! А сейчас — брысь отсюда! Не видишь — у нас ремонт! — грозно рыкнул мужчина. Он был высок, выше меня на голову, широк в плечах и страшен. Его перемазанная в краске физиономия не предвещала ничего хорошего.

«Вот почему эффектные мужики — такие хамы и, чаще всего, обделены интеллектом?» — вздохнула я и решила: надо будет пожаловаться ректору, что у него работают до ужаса невоспитанные маляры.

Правда, будучи девушкой утонченной и вежливой, на месте я скандал устраивать не стала, лишь тихонько пикнула:

— Простите... но я... не...

— И герань свою дома оставь. Оригинальных ценят, но не до такой же степени? И проверять будут знания. Всем наплевать на то, что ты стащила с окна у бабушки герань. Тут нужны только знания. Все, беги давай, некогда!

Я опешила, мужчина развернулся ко мне вполоборота, а противная скотина Васус, который никогда не умел себя вести, оскорбился, вытянул стебель (я даже не представляла, что он такой длинный) и попытался вцепиться грубияну в плечо.

Понимая, что вряд ли получится избежать катастрофы, я рванула горшок на себя. Хищные челюсти клацнули в миллиметре от грязной, покрытой побелкой рубашки. Я, пытаясь удержать равновесие, отступила, споткнулась о свой чемодан и, испуганно взвизгнув, полетела на пол. Точнее, полетела бы. Не знаю, как, но грубиян успел развернуться быстрее, чем я рухнула. Он хотел удержать меня за руку, но так как горшок я не выпустила, схватил за талию. Очередной писк вышел мышиным — незнакомец был мужчиной крупным, тренированным — рабочим строительных профессий не нужно потеть в спортзале, тяжелый физический труд помогает держать себя в тонусе.

— Спасибо, — успела я шепнуть едва слышно, прежде чем Васус, про которого мы неосмотрительно забыли, извернулся и все же тяпнул незнакомца за руку.

— Вот же, дрянь вонючая! — взвыл мужчина, но меня не отпустил.

Я отскочила остороженько сама и сразу доложила, чтобы не начали убивать:

— Если что, я не виновата и совсем не абитуриентка! Я личная помощница ректора! Меня трогать нельзя! Вот!

— Да ты что? — изумился мужик, как-то очень уж отстраненно. Вероятнее всего — потому что прицеливался к моему цветку, даже рукава закатал.

Но цветуй шипел и клацал зубами — голыми руками его не возьмешь.

— Не троньте Васику! — завопила я, пытаюсь спрятать горшок, и все же плюхнулась на зад в самую грязь. Похоже, с новым платьем придется попрощаться.

Цветуй, почуяв опасность, сразу же притих, быстро съезжился и исчез в горшке с землей.

— Ты даешь имена растениям? — подозрительно тихо уточнил мужчина и посмотрел на меня как на сумасшедшую. Но руки почему-то убрал.

Допустим, не я, а бабушка, но ему-то какое дело? Хочу и даю! Я уже набрала в рот воздуха, намереваясь отчитать нахала, но тут заметила, что в помещении стало удивительно тихо. За нами внимательно наблюдали и маляры, красящие стены, и толстая тетка на стремянке под потолком, и сухонький мужчинка в очочках, который показался из коридора. Может быть, это и есть ректор? Тогда мне опять не повезло. Плохо, наверное, предстать перед будущим начальником на полу, в грязи, в обнимку с цветочным горшком.

Впрочем, все оказалось намного хуже. Мужичок в очочках осторожно подобрался к нам и очень вежливо и тихо пропел, обращаясь к сегодняшнему источнику моих бед:

— Герр ректор...

После этих слов я сначала побледнела, потом покраснела и едва сдержалась от стоана. С этим местом работы мне, видимо, тоже не повезло.

— Там опять проблемы... — Он несчастно покосился на меня, сглотнул и совсем тихо закончил: — С флагом академии...

Вид при этом мужчина имел потерянный и слегка смущенный, я вообще сидела на полу ни жива ни мертва и даже попыток встать не делала. Зачем, если можно попрощаться с мечтами о безбедной жизни? Придется воз-

вращаться в отчий дом и выходить замуж за какого-нибудь сына мясника. Никто другой меня точно не возьмет. Возраст не тот, и с везучестью проблемы. Да и по дому я делать ничего не умею.

— Вот же лохматый гаденыш! — взорвался ректор, добавил пару непечатных фраз и кинулся к выходу.

Я, пискнув, отползла с дороги и снова привлекла к себе ненужное внимание.

Ректор замер, посмотрел на меня так, словно я была раздавленной лягушкой, и скомандовал:

— И эту... с геранью, кто-нибудь устройте! Сейчас совсем не до нее! Кто у нас самый свободный?

— Конечно, профессор Сазейр. Он же у нас не может мараться, это мы — простые смертные — отдуваемся, — пробухтела полная женщина, которая опасно покачивалась на стремянке. Я бы на ее месте, с таким-то весом, поостереглась лазить по верхотуре.

— Вы бы не возмущались, герра Сибилла! А то обзавидовались тут! Я вам мигом организую все условия, которые есть у профессора.

Женщина ойкнула, с трудом удержала равновесие и тут же замолчала. Интересно, чего она так испугалась? И что это за профессор такой, который может себе позволить бездельничать, когда все остальные работают?

— Кстати, найдите его кто-нибудь! — скомандовал ректор на ходу. — Пусть покажет тут все моей помощнице. А в пять вечера жду вас в моем кабинете! И ничего, богов ради, до моего прихода не трогайте! Знаю я вас! Все секретарши одинаковые: или сломаете что-нибудь, или потеряете! Все свободны!

Я не сразу поняла, что последняя часть фразы относится ко мне. Едва ректор скрылся за дверью, движение возобновилось. Мужчина в очках кинулся обратно в коридор, видимо, разыскивать профессора. Тетка по-

смотрела по сторонам и, изогнувшись на стремянке, повернулась ко мне, прошептала:

— Боги слышали мои молитвы! Девонька, доработай хоть до сентября, а? Дольше-то не прошу. Вижу же: ты нежная, воспитанная — не приживаются у нас такие.

Она вздохнула, подумала и добавила:

— Да никакие у нас не приживаются. Характер уж больно у нашего ректора дурной, да и условия работы тяжелые, а ведь никаких надбавок.

Я собиралась возразить, но не успела, так как мне навстречу в темно-алой профессорской мантии вышел самый настоящий мертвец.

— Вставайте, — скомандовал он и протянул ко мне свои костлявые руки. В провалах глазниц полыхало пламя, тонкая кожа обтягивала впалые щеки, а безгубый рот скалился.

Я не смогла даже завизжать, просто крепче прижалась к себе Васуса и отключилась.

Висеть было неудобно, поэтому я, наверное, и пришла в себя. И еще — от тихих голосов над ухом.

— Куда вы ее тащите?

— А что вы предлагаете, герра Сибилла, ее там, на осыпавшейся штукатурочке оставить валяться? Сейчас этот дикобраз придет. Кому достанется?

— Всем, — обреченно отозвался женский голос.

— Вот именно — всем! Нужно убрать следы. Сделаем вид, что все пошло по плану. Может, и не вскрыется.

— Может — да, а может — нет... — проворчала герра Сибилла. — Осторожно! — завопила она (видимо, наша процессия едва не налетела на что-то). — Герань-то герань заберите! А то расстроится девочка, а так, может, хоть чуток у нас поработает!

— И что же молодежь какая впечатлительная пошла! — пробухтел лич где-то над ухом. Его голос я узнала

и открывать глаза передумала. А когда до меня дошло, что за руки меня тащит именно он, я едва не заорала, но предпочла обмякнуть и не подавать признаков жизни. К счастью, за ноги несет явно кто-то живой. Или у них тут стадо умертвий бегают?

Открыла глаза, только когда меня положили на что-то мягкое, подоткнули подушечку, повозились справа у уха, повздыхали.

— Умаялась деточка, — умилилась герра Сибилла, и через секунду хлопнула дверь.

Ни на одном месте работы коллеги так радушно меня не встречали. И почему все так хотят, чтобы я осталась?

Я открыла глаза и резко села.

К счастью, Васус был здесь, стоял на подоконнике и меланхолично жевал соседний цветок. Я шикнула, отругала и шлепнула по горшку. Цветуй демонстративно сжался, задрожал и попытался спрятаться.

— Не придуривайся! Сейчас только уйду, снова при-
мешься за старое.

На тумбочке у кровати лежал листок с какой-то пентаграммой и ключ-жетон. Я повертела бумажку и так и этак и все же сообразила, что кривые линии — это коридоры, а красный жирный крест где-то вверху, вероятнее всего, кабинет ректора. Кто-то добрый над крестом пририсовал череп — очень обнадеживающе.

Я уже более-менее пришла в себя. До встречи оставалось время принять душ, переодеться и обдумать сложившуюся ситуацию. Распаковывать чемодан я не стала, только достала сверху темно-серое строгое платье. Я помнила о судьбе своей предшественницы и решила не испытывать удачу — гардероб подобрала скромный. Сейчас, правда, не была уверена, что мне это поможет. Попрет меня ректор взашей за утреннее представление. Хотя я-то тут при чем? Это все Васус.

Цветуй все же пришлось убрать с окна, пока он не успел доесть бедненькое, и без того хиленькое растение в соседнем горшке.

Мне выделили очень приятную комнату — даже не скажешь, что в ней кто-то жил до меня. Как в номере хорошей гостиницы, здесь были уничтожены все следы бывших жильцов.

Персиковый ковер. Большая кровать под балдахином, встроенный в стену шкаф, способный вместить все мои многочисленные вещи, и две двери. Одна — в душевую комнату, другая — в небольшую гостиную с диваном и камином. Просто, мило, уютно. Окна выходили на небольшую площадь и башенку. Странно, но флаг чудесным образом поменялся. Вместо белого — синий фон, на котором расправила крылья сова — символ мудрости и знаний. И никаких розовых точек. Может быть, мне просто с дороги померещилось?

Я приняла душ, переделалась и даже успела накраситься. Зеркало отражало миниатюрную блондинку. Мне говорили о том, что я красива, но это качество нужно девушке, если она мечтает выйти замуж, а я же хотела сделать карьеру и быть независимой. Я видела, во что превратилась жизнь мамы и сестер. Нет уж, кухня, дети и вышивка — это не то, чем бы мне хотелось заниматься круглосуточно. Поэтому я не то чтобы скрывала свою внешность, нет. Скорее, предпочитала не акцентировать на ней внимание. Светлые серебристые волосы собирала в гладкую прическу, носила строгие платья с высоким воротником-стойкой и никогда не пользовалась яркой помадой — акцент делала на глаза.

Единственное, что не удавалось замаскировать, — возраст. В свои двадцать четыре я выглядела студенткой, неудивительно, что ректор принял меня за абитуриентку. Но тут я ничего поделать не могла, да и не считала нужным себя старить.

Поразмыслив, я решила никого не подставлять и умолчать об обмороке. Вдруг это своего рода проверка на стрессоустойчивость? Остальные при виде ожившего мертвеца сознание не теряли, значит, он здесь существо обыденное и придется привыкать. Демоны, я даже есть с ним из одной тарелки была готова, лишь бы меня оставили жить в этой комнате и работать в этом месте.

Когда-то я мечтала о политической карьере, но сейчас была рада и этому. Чтобы не заблудиться и не опоздать, я даже вышла заблаговременно. Сунула под мышку Васуса, который на новом месте чувствовал себя явно неуютно. Брать его в кабинет к ректору после утреннего происшествия не стоило, но и оставлять одного я его боялась, цветуй теоретически мог уползти из горшка и забиться в какую-нибудь щель, а, как любое растение, жить без земли и воды не мог. Поэтому пришлось рискнуть.

Как ни странно, кабинет я нашла без проблем, и даже жетон подошел, и никаких неприятностей не случилось, и я выдохнула. Аккуратно закрыла за собой дверь и остановилась, чтобы осмотреться.

Здесь был бардак. И не просто бардак, а бардак с большой буквы. Стопы бумаг, невымытые кружки из-под кофе, какие-то магические предметы и еще много всего, не поддающегося идентификации.

А на столе, за которым предположительно я должна работать, лежали трусы. Большие — в них влезли бы я и моя соседка по комнате со студенческих времен — и очень странного фасона. Высокие, с рюшами и кружевами. Расцветка тоже радовала — белые, в крупную яркорозовую клубничку. В общем, весьма странная и пугающая вещь. Если у ректора такой фетиш, то, пожалуй, я понимаю, почему тут никто работать не хочет.

Я прижала Васуса крепче и задумалась. На меня сегодня уже орали, я получила приказ не трогать ничего до

появления недовольного начальства, но сидеть рядом с *этим* тоже не хотелось. Я подумала, поставила цветочек на подоконник рядом со столом и решила сделать кофе — это, по крайней мере, безопасно.

Не только себе конечно, но и новоиспеченному начальнику. Вдруг проникнется и оценит если не качество напитка, то хотя бы чистоту чашек.

Выходила я буквально на пять минут, помыла чашки и налила в графин воды. В приемной обнаружила маленькую плитку с кристаллами — там можно было вскипятить воду. Ректор оказался эстетом и использовал только стеклянную посуду — никакого тебе презренного металла. Ставишь графинчик на магический кристалл, и нагревается сама вода, а не стекло. Очень удобно.

Возвращалась я бегом, на доносящиеся из кабинета нечеловеческие вопли. Увидев странную картину, я едва не лишилась рассудка. Сердце упало в желудок, а графин с водой — на пол, но я даже не заметила этого.

Мой цветочек дотянулся до милых ректорскому сердцу труселей и сожрал уже половину, даже больше. Из пасти торчали оборки одной штанины, а за другую с визгом и воплями цеплялось маленькое лохматое существо.

Если мне память не изменяет, существо именовалось шушелем и являлось выходцем из тонкого мира. Шушель истерил, верещал и пытался спасти труселя, мой цветуй не сдавался и спешно дожевывал свою добычу, а я стояла как столб, понимая, что, видимо, снова придется паковать чемоданы.

Наконец шушелю удалось отвоевать резинку с остатками веселенькой ткани, и он, ругаясь на своем шушелящем языке, забился в угол и принялся так жалостливо подвывать, что мне стало очень стыдно за невоспитанного, прожорливого Васуса, который давился, но все же упорно заглатывал остатки тряпки.

— Что за?.. — раздалось за спиной, я вздрогнула, понимая, что пожаловал хозяин кабинета, и отскочила, зажмурившись. Было очень-очень страшно, потому как я понимала: сейчас будут убивать. По всей видимости, не только меня, но и Васуса, а цветочек я в обиду не дам.

— Твоя герань сожрала Трусея? — подозрительно тихо поинтересовался ректор, а я едва заметно кивнула, не отрывая глаз. Руки дрожали, ноги подкашивались.

Чего я не ожидала, так взрыва хохота, последовавшего практически сразу же.

— Что, твареныш лохматый? — со злорадством поинтересовался ректор. — Лишился своей игрушки! Так тебе и надо, погань пакостливая!

Шушель зашипел так громко, что я открыла глаза и успела метнуть чашку, которую сжимала в руке, в сторону гаденыша, нацелившегося на Васика. Реакция у меня всегда была отменная. Гаденыш увернулся, ректор, как ни странно, — тоже.

Шушель распушился, заверещал и кинулся на меня. Я испугалась, но отступить и не подумала. Оттолкнула ректора, который занимал слишком много места, и пошла в наступление, вооружившись шваброй.

— Кыш пошел, мерзавец! — орала я. — Нечего где ни попадя свое имущество раскидывать!

Шушель вопил, шипел, но пробраться к цветку не мог, хотя и заходил с разных сторон. Мы бы, наверное, с ним долго танцевали, если бы ректор не сделал едва заметный жест и твареныш с верещанием не исчез бы в стене.

— Думаю, сработаемся, — резюмировал ректор, когда я поставила швабру в угол и поправила выбившуюся из идеальной прически прядь. — Но герань свою береги. Он не отстанет.

— Так вы же его... того... — сглотнула я и покосилась на Васика, который приобрел нежно-розовый оттенок, даже клубнички местами проступили.

— Это ненадолго. — Ректор сморщился, как от зубной боли. — Часа через два снова появится и какую пакость учудит на этот раз — неизвестно. Мы с ним почти полгода воюем, и пока счет не на нашей стороне.

— А...

Я вопрос сформулировать не успела, ректор и так понял, что хочу узнать, поэтому сам выложил занятную историю про шушеля и Трусея.

— Нет... с одной стороны, наверное, давно самому следовало их уничтожить... — задумчиво выдал ректор, рассматривая клочок веселенькой ткани в клубничку, которую не дожевал Васус.

— Трусы? — участливо осведомилась я, напоминая себе, что личная помощница прежде всего должна уметь слушать. Нас так учили.

— Да, их. Но было жалко... все же столько сил вложено... душа... опять же, — задумчиво продолжил он и вздохнул. Между темными густыми бровями пролегла складка.

— В трусы? — Я сглотнула. Конечно, работу хотелось очень, но я не нанималась сиделкой к душевнобольному. Судя по воплям, которые ранее довелось слышать в коридоре, он еще и буйный.

— Да что вы заладили: трусы-трусы! — взорвался ректор, и я предусмотрительно отступила. — Да, трусы! Это самый сложный экспериментальный образец — пояс верности. Они удобные, натуральный хлопок, безопасные, гигиеничные — исчезают, когда надо. Эта модель могла бы стать прорывом в артефактике. Я уверен, изобретение пользовалось бы спросом.

— А расцветка и фасон? — не выдержала я, все еще не понимая, зачем ректору академии пояс верности и при чем здесь шушель.

— Расцветка и фасон — отпугивающие! — совершенно серьезно заявил ректор и взъерошил короткий ежик

волос. — Кого же на такие потянет? Да и ни одна современная, с позволения сказать, девица, продемонстрировать не решится. Так что с расцветкой все нормально. Сам выбирал.

— И за что же вы так жену? — Я не выдержала и проявила женскую солидарность.

— Жену? — Ректор, казалось, искренне удивился.

— Любовницу? — ужаснулась я, осенив себя защитным знаком. Странный мужчина.

— Дочь конечно же! — Кажется, мои предположения его оскорбили. — Она у меня... впрочем, вы сами будете иметь счастье с ней познакомиться в начале учебного года, если, конечно, не сбежите раньше. Лето она проводит с матерью. Должен же быть у меня хоть какой-то отдых. Она — стихийное бедствие! — Арион фон Расс закатил глаза, а мне как-то подурнело. Не думала, что него есть дети. Не то чтобы мне это было интересно, но все же.

— А дочери у нас сколько? — поинтересовалась осторожно. Вдруг такие вопросы — табу.

— Восемнадцать, но Трусея я на нее надел в семнадцать, так как рыжая пакостница совсем отбилась от рук. Вы даже не представляете, что это такое! По степени причиненного ущерба она на вас похожа.

— Я не пакостница! Я благовоспитанная и очень скромная барышня!

— Да? — Ректор удивился. — А сразу-то и не скажешь, думал, только Кассандра может быть катализатором неприятностей, сама того не желая.

— Итак... — Я вернула разговор в нужное русло. — Вы надели на свою несовершеннолетнюю дочь пояс верности. Не будем углубляться в морально-этическую сторону вопроса, но что дальше?

Ректор и сам углубляться не хотел. Он поморщился, словно от зубной боли, и продолжил:

— Ну, Кассандра была бы не Касанндра, если бы не попыталась пояс верности снять. Ничего у нее не получилось — вполне ожидаемо. — На красивом, словно высеченном из камня лице появилась хитрая усмешка, которая очень быстро сменилась кислым выражением. Видимо, переиграть дочурку у незадачливого папаши не вышло. Следующие его слова подтвердили мои догадки.

— Она разозлилась и вызвала шушеля!

— Обратно отправлять отказалась? — Я понимающе кивнула.

— Если бы! У Кассандры одна, но большая беда — у нее все получается случайно! Еще с того времени, когда она ходила под стол пешком!

Это мне было знакомо. Правда, в мою жизнь нелепые случайности начали проникать не с детства, а с момента получения диплома, и привыкнуть к ним я так и не сумела.

— Шушеля она вызвала случайно, а он всегда появляется с определенной целью. В нашем случае формулировка «Шушель их заberi» касаясь трусов сработала прямо. Целый месяц в академии творился ад! Не заставляйте меня рассказывать об этом позоре подробнее! Тогда первый раз в жизни я серьезно переживал, что меня снимут с занимаемой должности! Шушель охотился на Трусея! Кассандра от них избавилась, а этот поганец до сих пор их ворует, куда ни спрячь, и вывешивает на флагшток вместо флага академии! Я снимаю, провожу ритуал изгнания, он снова ворует и вывешивает. Надо мной уже студенты за спиной смеются, а преподаватели страх потеряли и ржут в голос.

— Ну так сожгли бы их или выкинули! В чем проблема?

Я действительно не понимала сложностей моего нового начальника. Сейчас вопрос решился благодаря Ва-

сусу, но неужели нельзя было повернуть раньше что-то подобное?

— Во-первых, это значит сдаться и признать свое поражение перед мелкой гадючной тварью! Нет уж! Во-вторых, жалко — я, скорее всего, еще одни не создам, тогда был зол и не записал формулу. Все собирался попытаться повторить на досуге, но конец учебного года без личной помощницы — это ад! А в-третьих... — Ректор задумался. — Отберешь у этой твари трусы, которые она нежно любит, — и что? Кто знает, как шушель будет мстить. А он будет, поверьте. И очень хочется надеяться, что вам и вашей герани, а не мне и моей академии.

— Ой-ой... — протянула я и покосилась на довольно-го Васика, который сейчас ничем не отличался от обычного цветка.

— Вот вам и «ой-ой», — передразнил меня начальник. — От позора вы меня спасли, но проблем прибавили!

— И что теперь делать?

— Работать, цветочница моя, работать! Вы же за этим сюда приехали?

Я едва заметно кивнула. Сколько получится продержаться на этой должности, одним богам известно. Но уже сейчас я могла сказать — скучно точно не будет. Впрочем, мне нигде скучно не было — неприятности находили меня сами.

Глава 2

НОВАЯ РАБОТА — СТАРЫЕ ЗАБОТЫ

В кабинет к начальству, который находился за дубовой дверью, я пошла вместе с довольно мурлыкающим Васусом, после того как убрала воду и осколки графина с пола. Оставлять цветочек один не хотелось, я помнила

слова ректора про мстительного шушеля. Мало ли откуда появится мохнатый поганец и постарается обидеть моего питомца? Если с ним что-нибудь случится, я себе этого не прощу!

Арион фон Расс уже успел разместиться за своим столом. Я, на секунду прикрыв глаза, постаралась представить, что это наша первая встреча. Ведь она должна была быть такой. Точнее, почти такой — он сидит за столом и смотрит на меня с выражением вежливого интереса, и я захожу, вся собранная, причесанная и прилично одетая. Если исключить растрепанные волосы и мокрый подол платья (я все же облилась, когда уронила графин), а также Васуса под мышкой, все так и было.

Ректорский кабинет меня впечатлил. И не только тем, что беспорядок здесь царил такой же, как и в приемной, но и массой разнообразных и, наверное, опасных вещей. Чего здесь только не было! Магические шары, которые стояли рядом с географическими глобусами. Кубки за достижения, кальян, множество мелких артефактов и бумаг.

— Вы там так и будете стоять? — раздалось ворчливое, и я посмотрела прямо перед собой.

Так получилось, что как следует разглядеть Ариона фон Расса я удосужилась только сейчас. Сначала приняла его за маляра, а потом просто была занята. Я уже отметила спортивное телосложение и сейчас снова убедилась в том, что ректор академии магии строен и подтянут.

Ректор поднялся мне навстречу. На нем были узкие темные брюки и обычная светло-зеленая рубашка, которая натягивалась на широченной груди. Казалось, слишком маленькие пуговички сейчас вылетят из петель. Ректорская мантия небрежно висела на спинке стула. Я сглотнула и попыталась отвести взгляд. Не вышло. Интересно, студентки выстраиваются в очередь перед каби-

нетом? И в чьи должностные обязанности входит их отгонять? Очень надеюсь, не в мои.

— Как понимаю, разговаривать по делу вас в ваших университетах не учили! — язвительно заметил он, заставив меня испуганно вздрогнуть, и начал перебирать бумаги из моего личного дела.

Вообще, он должен был это сделать раньше — тогда, когда одобрял мою кандидатуру. Впрочем, я сама сведения о нем прочла уже после того, как сказала: «да» в агентстве. Похоже, впервые мне попался работодатель, которому я нужна не меньше, чем он мне.

— Так-так, а у вас богатый послужной список! — присвистнул он. — Я-то думал, вы только окончили свой вуз. И вы мне доказываете, что нежная благовоспитанная фиалка?

— Я не фиалка и не цветочница! — Я постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. — Меня зовут Эльмира фон Морр.

— Даже «фон»... — хмыкнул он, намекая на мое аристократическое происхождение, словно оно было чем-то постыдным. Сам-то?

— Обнищавший аристократический род? — деловито заметил ректор и снова вывел меня из себя. Удивительная способность.

— Почему же сразу обнищавший? — возмутилась я. — Да, наше состояние не так велико, но назвать нас обнищавшими?

— А зачем же вы работаете? — искренне удивился он. — Я могу еще понять магичек. Отчасти. На одной такой я был женат, вторую воспитал и скоро выпущу в люди (но все же, надеюсь, сначала замуж, а потом в люди), — задумчиво добавил он.

— Уже и кандидата, наверное, подыскали? — желчно осведомилась я, думая, как же ненавижу такое положе-

ние вещей. Бедная девочка, мне ее жаль. С таким-то отцом! Наверное, и отказаться не дали.

— А как же? — Он был явно горд собой. — И что самое приятное, они до сих пор считают, что нашли себя сами. Здорово ведь, правда?

Я не знала. Моего мнения никто не спрашивал и уж тем более не пытался сделать так, чтобы я думала, будто сама выбрала кандидата в мужья. Хорошо хоть успела сбежать и поступить в университет, иначе сейчас бы подтирала соплю третьему, а то и пятому отпрыску.

— Так зачем вы работаете? — снова поинтересовался он. — Мужа ищете?

— Как раз нет! — Я разозлилась всерьез. — Мужа мне найдут и без моих усилий. У матушки с моих пятнадцати лет есть список. Длинный, занимает целый блокнот. Но я хочу быть независимой, самостоятельной и успешной женщиной.

— Получается пока не очень, — честно отозвался он, еще раз заглянув в мое дело, и заставил покраснеть. — Ваш список впечатляет. За три года вы сменили девять мест работы. Вы считаете, это нормально?

— За последние три года от вас сбежали десять секретарш, — парировала я. — И это тоже ненормально. Так что давайте закроем тему «наших бывших» и постараемся сработаться.

— Не повод хамить начальству и ставить условия! — огрызнулся он, и я послушно закрыла рот. Впрочем, я давно поняла: молчать — не лучший вариант. Нервы портятся, а итог все равно одинаков. Можно молчать и вылететь, можно отвечать и так же вылететь. Поэтому когда ректор выдал: «Просто помните: если вас выгонят отсюда, то больше никто никуда не возьмет», — я не удержалась и ответила:

— Если вы выгоните меня, к вам никто не придет. А сейчас извините, я должна попытаться за беспорядком

найти свою приемную. Уборщиков у вас в академии нет? Бюджета не хватает?

— Я не пускаю их к себе в кабинет! — рыкнул он и посмотрел на меня с такой ненавистью, что захотелось ойкнуть и сбежать, но я сделала над собой усилие и сдержалась. Начальник как собака — нельзя показывать свой страх, иначе так и будет пугать постоянно. А этот еще и кусить может.

— Очень грамотное решение! — снова не удержалась я, чем, похоже, окончательно вывела его из себя. — И сами не убираетесь? В мои обязанности это тоже не входит! Будем тонуть под горами мусора?

— В ваши обязанности входит все, что я пожелаю, и уборщиков я к себе не пушу! Не хватало еще, чтобы они мне все перепутали, криворукие дармоеды!

В следующие пятнадцать минут я поняла, почему никто тут долго не задерживался. Невинная фраза про уборщиков вызвала бурную и продолжительную реакцию. Арион фон Расс оказался в рабочих вопросах упрямым, скандальным и эгоистичным. И девочка из хорошей семьи Эльмира фон Морр обязательно спасовала бы, но вот Мира, которая повидала на своем веку целых девять неидеальных работодателей, как ни странно, смогла не только выстоять, но и немного отвоевать позиции.

Сошлись мы на том, что уборщики все же будут, но работать станут под моим непосредственным контролем. После этого ректор извоили метнуть в меня папкой с документами, благополучно промазали и, возжелав кофе, удалились работать. А я закрыла дверь и перевела дух, очень сильно надеясь, что подобное не будет происходить каждый день, а закончится, когда пройдет время притирания друг к другу.

Первый рабочий вечер выдался суматошным. К тому, что мой начальник — несдержанный хам, добавилось по-

нимание — он трудоголик и живет буквально на рабочем месте, как и все мы. Арион фон Расс или тихо корпел над бумагами у себя в кабинете или показывался на люди и начинал орать.

На уборщиков, которые тронули вот эту очень важную и опасную для несведущих статуэтку (а что тогда она делает здесь, на полочке, у меня под боком?), на строителей — ну эти-то ладно, они, как всегда, сделали что-то не то и криво. Я бы и сама на них поорала. На меня, потому что я была ближе всех, а пар выпустить хотелось, и далее по списку. Сотрудники, работающие в академии, ходили на цыпочках и старались не попадаться начальству на глаза, поэтому и молились на меня. Я служила буфером между ними и ректором. Не сказать, чтобы такое положение вещей меня устраивало.

В итоге в комнату к себе я приползла в обнимку с Васиком уже после полуночи и рухнула без сил, стараясь не думать о том, что завтра в восемь утра мне нужно быть перед кабинетом ректора, улыбаться и делать вид, что я счастлива лицезреть недовольное начальственное лицо. Может быть, замуж и не работать — это все же не так плохо? Подобные мысли меня в последние три места работы посещали нередко, но я их упорно гнала прочь.

Зато сегодня меня не выгнали, и это уже достижение, а еще я разобрала свое рабочее место, выкинула кипу ненужных бумаг и привела в относительный порядок кабинет ректора. На очереди стояли ведомости, перепутанные личные дела и еще целый шкаф, забитый бумагами. «Какими-то», — как пояснил ректор. Видимо, от этого пояснения мне должно было стать понятнее.

Когда я, приняв душ и переодевшись в любимую ночнушку, забралась под одеяло и закрыла глаза, то почувствовала себя самым счастливым человеком. По привычке посчитала, сколько еще осталось спать, и, опечалившись, что не так уж и много, моментально отключилась.

Доспать до утра мне не дали. Я вскочила, сонно хлопая глазами, потому что услышала повизгивания и шипение, раздающиеся со стороны окна. На подоконнике сидел шушель и пытался выпихнуть в распахнутое окно моего бедного Васику, который выпихиваться не желал и упорно цеплялся листочками за створки.

Я заорала на твареньша и кинулась на помощь. Шушель, чувствуя в моем лице угрозу, схватил цветочный горшок и попытался сигануть вниз. Васик предусмотрительно сжался и постарался зарыться в землю, оставив только тонкие и гибкие отростки. Я в последний миг в прыжке ухватила шушеля за хвост и опасно свесилась вниз с подоконника.

Наглый поганец верещал и пытался вырваться, но, к счастью, не выпускал цветочный горшок. Васус с перепуга выпустил длинные лианы и зацепился ими за все, что можно, — за подоконник, за шушеля. И даже на мою руку намотался и сейчас несчастно пищал. Из ярк-алого в предрассветной дымке он стал грязно-розовым, и на лепестках начали проступать ягодки клубники. Не знаю, на каких инстинктах действовал цветуй, но, увидев знакомые клубнички, шушель восторженно запищал и вцепился в горшок сильнее.

Я держалась одной рукой за подоконник, а второй цеплялась за лохматый шушелев хвост и понимала, что сделать ничего не могу. Тварь с цветочным горшком была мелкой, но вертлявой и тяжелой. Как втащить шушеля и Васику обратно, я не знала. Поэтому пыжилась, пыхтела, с грохотом уронила цветочную вазу, попыталась свободной рукой поймать, в итоге едва не вывалилась из окна сама, завопила громче, но смогла удержаться.

Пузом я лежала на подоконнике, рукой хваталась за створки, ноги болтались в воздухе, и было очень страшно, но отпускать шушеля я не спешила. Ситуация была

патовая. Ни туда ни сюда. А силы из-за неудобной позы заканчивались.

Шушело тоже было неудобно. Он испуганно верещал и болтался, но не делал никаких попыток заскочить обратно, хотя, возможно, просто не мог, так как передние лапы были заняты горшком с Васусом.

Мои вопли все же перебудили соседей, и треск двери за спиной заставил с перепуга вздрогнуть. Я, наверное, улетала бы вместе с шушелем и цветуюем, но кто-то схватил меня за ноги, потом за талию и бесцеремонно втащил обратно в комнату вместе с тваренышем и цветочным горшком. Я для порядка снова заорала, выдохнула и хотела отблагодарить.

Но шушель с визгом выпустил Васику (я едва успела поймать цветочный горшок) и сиганул за окно, цветочек снова спрятался в землю, а я встретилась с гневно пылающими, очень знакомыми глазами.

— Вы! — припечатал Арион фон Расс, и я испуганно пискнула. — Вы ходячая неприятность! Вы здесь всего ничего, но уже мешаете мне спать! Я вас завтра же отправлю обратно в столицу, предварительно надев на вашу бестолковую голову этот цветочный горшок с сумасшедшим растением! Сейчас четыре утра! Что вы себе позволяете?

— Эт-т-то не я... — Писк получился слабым, мышинным. — Эт-то он! — Я показала за окно, туда, где скрылся шушель. — Простите, пожалуйста, я Васику спасала.

На глаза наворачивалась слезы. Рано я радовалась, что продержалась хотя бы день. Похоже, сейчас меня и попрут. Было до невозможности обидно. Но не могла же я бросить свой цветочек?

Ректор что-то буркнул и отступил, видимо немного остыв, а меня запоздало накрыло. Стыд и паника. Я стояла босая, с распущенными волосами. Из всей одежды на мне сейчас имелась серебристая, короткая и

очень откровенная ночнушка — полупрозрачный пышный подол и кружево ручной работы на открытом лифе, выгодно подчеркивающим грудь. У каждой же девушки может быть слабость. Моей было белье. Сейчас я пожалела об этом, так как передо мной стоял монументальный, словно скала, сексуальный мужчина в одних домашних штанах. Сильная грудная клетка, рельефные мускулы, пресс, а в глазах — яростный огонь. Аж дух захватывало.

Я покрепче прижала к себе Васику и вздрогнула под взглядом, из которого внезапно начала испаряться злость, сменяясь чем-то другим, не менее опасным.

— Не знаю, какие цели вы преследуете. — Он снова сделал шаг вперед, и я, вздрогнув, прижалась спиной к подоконнику. — Но ваши крики в ночи, ваш откровенный наряд — все это заставляет мыслить в одном направлении. — Он улыбнулся и наклонился к моим губам, а я боялась даже вздохнуть, потому что и в мыслях не имела кого-то провоцировать. — У меня нет привычки заводить романы с секретаршами, но сейчас... — Он мечтательно закусил губу. — Я готов над этим подумать. Студентов не будет еще целых полтора месяца, а вы все равно дольше не продержитесь ни здесь, ни в моей постели.

— Да вы! — возмутилась я. — Как вы смеете?

— В чем дело, Мира? Вы рассчитывали на брак?

— Я рассчитывала на работу! — Возмущение клокотало в груди. — Меня не интересуют отношения!

— Да ладно! Кому вы врете? Всех интересуют отношения. Даже меня. Спокойной вам ночи. Или... — Он бросил раздраженный взгляд за окно. — Или доброго утра. Не опаздывайте. Я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Он ушел, а я так и осталась стоять у окна. Из всех мерзких ситуаций, в которых я оказывалась за время работы, сейчас я попала в самую мерзкую. На меня запал

начальник. Однажды такое уже случилось, но там я сопротивлялась без труда, и, когда стало невозможно, спокойно сбежала. Но в данный момент это место — моя последняя надежда, а Арион фон Расс непозволительно хорош. Но ведь я профессионал и ни за что не сдамся. Наверное, не сдамся. По крайней мере, очень постараюсь.

Сон не шел, и даже думать не хотелось о том, чтобы снова лечь спать. Кто знает, что может привидеться после ночного появления ректора! Поэтому я решила заняться чем-нибудь полезным. Привела себя в порядок, оделась в любимое темно-серое платье, придающее мне уверенности, забрала волосы в строгую прическу, разложила вещи по полочкам в шкафу и, прихватив Васику, который от голода приобрел насыщенно малиновый цвет и кровожадно щелкал челюстями, отправилась на свое рабочее место.

Без казусов по дороге не обошлось. Васик, прежде чем я успела его оттащить, отхватил кусок висящей на доске почета грамоты, сожрал оставленное кем-то из уборщиц мыло с подоконника и одну резиновую перчатку. Я решила сбежать побыстрее — конечно, час еще ранний, но мало ли кому по утрам не спится, как и мне.

Я шла на рабочее место намного раньше положенного срока, но решила, что это не страшно. Следовало, во-первых, проявить сознательность и рвение в делах, во-вторых, делать все равно было нечего. Раньше начнешь — раньше закончишь, да и ректора я предпочла бы встретить, уже сидя на рабочем месте. За столом среди бумаг я чувствовала себя старше и увереннее. Ключ от приемной у меня был, а кабинет, насколько я помнила, начальник вчера не закрыл. А если и закрыл, ничего страшного, и в приемной дел невпроворот.

Не учла я только свою невезучесть. Подумала, что после феерического знакомства с новым начальником, со-

жранных Васиком экспериментальных Труселей и ночных экстремальных развлечений ничего страшного уже произойти не должно, но ошибалась.

Открыв кабинет, я водрузила на окошечко Васику, сунула ему в качестве перекуса скомканную бумажку, которую планировала выкинуть в мусорное ведро, и ринулась в помещение, которое занимал ректор. Если мне повезет, то успею разобрать бумаги в шкафу до его прихода, и можно будет наши контакты в течение дня свести к минимуму. Дверь и правда оказалась не заперта. Я гордо шагнула внутрь и тут же застряла. Вокруг меня ничего не было, но я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Попыталась повернуться. Кое-как у меня это получилось, но только вполоборота. Лихорадочно подергала руками и одну все же освободила. Но и шагу ступить не смогла. Так и замерла в дверях, словно подвешенная за ниточки марионетка. Справа от меня была полка с трофеями ректора — кубками, баночками с заклинаниями, слева — приемная.

— Вот же шушель! — прошипела я раздраженно. Подобное произойти могло только со мной, и ни с кем больше. Почему же так не везет?

— Нету его тут, — тоскливо отозвался кто-то из-за спины, заставив ойкнуть. Я испуганно задергалась, но никого не заметила и от этого испугалась еще сильнее.

— Тут только я...

Прямо передо мной сгустилось облако, явив взору печального призрака-охранника. Он походил на светло-серую, подрагивающую на ветру тряпочку с лицом унылого мужичка лет сорока пяти — пятидесяти.

— Это ты меня поймал? — поинтересовалась я, старалась скрыть дрожь в голосе. Я слышала про призраков-охранников, но в немагических учреждениях, в которых мне довелось работать, таких не держали. И уж тем более

я не попадалась в расставленные ими сети, поэтому переживала.

— Ага, я... — безразлично отозвался он и начал медленно таять.

— Отпусти, а? — заканючила я. — Пожалуйста! Мне просто нужно взять документы вон из того шкафа.

— Не могу.

— Почему не можешь-то? — взвыла я. — Я здесь работаю! Отпусти!

— Так не начался еще рабочий день. Он с восьми и до... ну, пока герр ректор не изволит домой уйти. А сейчас рано. Нет еще восьми. Значит, ты тут пока не работаешь.

— Ну отпусти, что тебе стоит?! Я просто встала рано, вот и пришла! Больше не буду, честно-честно!

— Не могу, сказал же.

Призрак летал передо мной, печально заглядывал в глаза, вздыхал, но путы не снимал.

— Почему не можешь? — поинтересовалась я обреченно.

— *Этот* придет, орать будет, — заметил охранник. Мне не нужно было пояснять, кто «этот», было и так понятно — ректор. — Скажет: порядок во всем нужен. Сам мусорит, раскидывает все, а от других порядка требует! Знаешь, как тут тяжело работается?

— Да откуда же! — возмущенно фыркнула я. — Ты мне работать не даешь!

— Ничего. Узнаешь, — продолжил он как ни в чем не бывало. — Только привыкнешь к новому лицу, полюбишь, под график подстроишься — сбегает! Я бы и сам сбежал. Так кто ж отпустит?

Призрак вздохнул и в задумчивости завис над ректорским столом. Мне его жалко не было. Хотел бы уйти — ушел бы. Только для таких, как он, это означает окончательную смерть. А призраки держатся за подобие жизни.

Стонут, страдают, но и совсем уйти не желают. Вместо этого я поинтересовалась:

— И долго мне торчать в такой позе? Неудобно, между прочим.

— Пока герр ректор не явится. Герр ректор ближе к восьми приходит и начинает ругаться. Кубками, бывает, кидается! Вот придет, проорется и отпустит тебя. Так что не переживай. Недолго.

— А может, без «проорется» как-нибудь? — с надеждой поинтересовалась я. — Отпусти, а? Давай мы забудем о том, что я сюда пришла? Сделаем вид, будто я просто начала разборку со своего рабочего места, а в кабинет ректора даже не совалась. Ну пожалуйста, нам же работать вместе!

— Не могу! — Темное колышущееся облако с лицом потемнело. Видимо, от злости. — Все думают: призрак-охранник — это никто! Его можно шпынять, даже в кубок засунуть, как джинна, и печатью гербовой заткнуть! Издеваются, как могут! А мне терпи! Не согласен!

— И кто над тобой так издевался? — ужаснулась я. — Ректор?

— Нет. Дочка евойная со своим недомагом.

— Почему недомагом? — уточнила я, понимая, что вникнуть во все хитросплетения жизни академии удастся не скоро.

— Не знаю, маг как маг, специалист по проклятиям хороший, а недомагом его господин ректор именует. Не любит, видимо, или наоборот — любит. Орет чаще всего. Даже чаще, чем на дочурку свою рожую.

— И за что они тебя в кубок засунули?

Я поняла, что на волю меня не выпустят, поэтому решила пока развлечь себя и послушать рассказы призрака-охранника. Раз не получается сделать ничего полезного до начала рабочего дня, так хоть сплетни местные узнать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Начальники бывают разные	5
<i>Глава 2.</i> Новая работа — старые заботы	21
<i>Глава 3.</i> Со страхами — лицом к лицу	39
<i>Глава 4.</i> Несмертельное проклятие	52
<i>Глава 5.</i> Личная помощница в действии	64
<i>Глава 6.</i> Добыть эликсир	76
<i>Глава 7.</i> Неспкойная ночь	86
<i>Глава 8.</i> Нам проблемы нипочем!	102
<i>Глава 9.</i> Свидание под звездами	113
<i>Глава 10.</i> Волшебный эликсир	132
<i>Глава 11.</i> Вернуться в прошлое	144
<i>Глава 12.</i> Время летит быстро	154
<i>Глава 13.</i> Ночь вдвоем	176
<i>Глава 14.</i> Урок магического искусства	185
<i>Глава 15.</i> Кто без греха, пусть первый бросит камень	195
<i>Глава 16.</i> Бал для неудачницы	205
<i>Глава 17.</i> Возлюбленная тирана	217
<i>Глава 18.</i> В плену у сумасшедшей	226
<i>Глава 19.</i> Час расплаты	237
<i>Глава 20.</i> Здравствуйте, я ваша мама	249
<i>Глава 21.</i> Призрак из прошлого	262
<i>Эпilog</i>	276